

рой к «Истории» Себеоса давно оспаривалась. Г. Абгарян в своей монографии показал, что «Начальная история Армении» действительно не имеет отношения к этой «Истории»⁷⁵.

М. Абегамяном был издан критический текст и перевод на современный армянский язык «Жития Маштоца» (повествующего об изобретении Месропом Маштоцем армянских писмен на грани IV и V вв.), написанного учеником Месропа, Корюном⁷⁶. Русский перевод «Жития» осуществлен Ш. В. Смбатяном и К. А. Мелик-Оганджаняном⁷⁷.

Этот, не претендующий на полноту обзор имел целью познакомить читателей ВДИ главной проблематикой советской исторической науки в Армении с в области древнего периода истории страны и народа.

Достижения досоветской и советской армянской историографии сделали возможным создание семитомного коллективного труда «История армянского народа», где истории древней Армении посвящен I том и часть II тома.

Г. Х. Саркисян

⁷⁵ Г. Абгарян, «История Себеоса» и проблема Анонима, Ереван, 1965 (на арм. яз.).

⁷⁶ Корюн, Житие Маштоца, Ереван, 1941 (древнеармянский текст и пер. на совр. арм. яз.).

⁷⁷ Корюн, Житие Маштоца, Ереван, 1962.

ПРОБЛЕМА ПАДЕНИЯ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

(Из истории вопроса)

Исследователи древней истории знают несколько «вечных» проблем. К их числу, кроме падения Римской республики¹, относится и гибель Империи. Последние столетия жизни Империи представляются известным рубежом всемирной истории исследователям самых различных направлений², хотя их оценки событий принципиально расходятся³. Историки-марксисты рассматривают IV—VIII вв. как переходную историческую эпоху смены одной общественной формации другой. Эпоха эта уходит корнями в далекое прошлое и содержит элементы новых феодальных отношений, для перехода к которым невозможно наметить резкую грань и тем более определенную дату⁴. Тем не менее переход этот осуществился, а его характер и сущность заслуживают определения.

Советская историография античности начала свое существование с овладения теоретическим наследством марксизма. Этот сложный процесс, хорошо описанный в по-

¹ См. С. Л. Утченко, Становление Римской империи и проблема социальной революции, ВИ, 1964, № 7, стр. 105; он же, Кризис и падение Римской республики, М., 1965.

² W. Seyfarth, Soziale Fragen der Spätromischen Kaiserzeit im Spiegel des Theodosianus, В., 1963, стр. 8—9.

³ Идеалистическое направление не признает социально-экономическую основу периодизации исторического процесса, рассуждает об античной и западной фазах европейской истории, мост между которыми будто бы соорудил император Константин м. там же, стр. 1—4).

⁴ К. К. Зельин, Новые публикации папирусов по истории Египта и Сирии с конца III в. до нач. VIII в. н. э., ВДИ, 1964, № 4, стр. 103.

вейших работах⁵, протекал не без вполне понятных трудностей. В 30-х гг. он осложнился попытками приспособить изложение хода событий римской истории к известному тезису о «революции рабов», ликвидировавшей рабовладельческую форму эксплуатации⁶.

В последнее время это положение справедливо критиковалось в советской литературе. В. В. Струве и Н. В. Пигулевская подчеркивали «бессодержательность» понятия «революция рабов»⁷, Б. Ф. Поршнев отмечал, что «выражение „революция рабов“ создает впечатление, будто когда-либо имела место однократная революция, ликвидировавшая рабовладельческий способ производства, и будто его ликвидация была осуществлена силами одних рабов»⁸.

Думается, что дело не ограничивается содержанием предлагавшегося понятия «революция рабов» или впечатлением, которое оно может создать у читателя⁹. Существо дела — в самой постановке вопроса, при которой правильно подчеркивалось коренное отличие социалистической революции от всех предшествующих революций, но догматически отождествлялся характер и способ ликвидации феодальной и рабовладельческой форм эксплуатации. Априорно принималось, что и та и другая погибли в результате революций, сходных не столько по форме, сколько по содержанию. В данном случае общетеоретические соображения, основанные на конкретном материале совершенно определенной эпохи, оказались той «универсальной отмычкой» к проблеме падения рабства, от использования которой при изучении конкретноисторических проблем предупреждал еще К. Маркс¹⁰.

Проблема гибели рабовладения интересовала советских историков и до того, как тезис о «революции рабов» был сформулирован. Об этом свидетельствует работа Л. Л. Ракова «К проблеме разложения рабовладельческой формации», подписанная к печати в январе 1933 г.¹¹ В этой работе четко проявляются и сильные и слабые стороны развивающейся исторической науки тех лет. Вся работа проникнута поисками ответов на важнейшие проблемы истории рабства. Несмотря на фантазирование по поводу возможного пути развития общества в случае победы рабских восстаний, малое внимание к источникам, известную теоретическую непоследовательность, автор высказывает немало интересных мыслей. Так, Л. Л. Раков указывает на вызревание элементов феодализма в недрах рабовладельческой экономики (крупное землевладение, основанное на труде колоннов), подчеркивает значение классовой борьбы между рабами и рабовладельцами, завершившейся их совместной гибелью¹², отмечает роль крестьянских движений, подготовивших завоевание империи «варварами», означавшее «коренной переворот» в общественном развитии¹³. Работа Ракова, как и другие,

⁵ См. Я. А. Л е н ц м а н, Рабство в Микенской и Гомеровской Греции, М., 1964, стр. 44 сл.; Е. М. Ш т а е р м а н, Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике, М., 1964, стр. 13 сл.; М. К у б л а н о в, С. И. К о в а л е в, в кн.: С. И. К о в а л е в, Основные вопросы происхождения христианства, М., 1964, стр. 5 сл.

⁶ Впервые был сформулирован в речи И. В. Сталина на Первом всесоюзном съезде колхозников-ударников (19 февраля 1933 г.). См. И. В. С т а л и н, Вопросы ленинизма, изд. 11, Госполитиздат, 1952, стр. 447.

⁷ В. В. С т р у в е, Н. В. П и г у л е в с к а я, Проблема падения рабовладельческого строя и генезиса феодализма, ВИ, 1956, № 3, стр. 186—195.

⁸ Б. Ф. П о р ш н е в, Феодализм и народные массы, М., 1964, стр. 215.

⁹ Ни один из советских историков античности не изображал «революцию рабов» как однократный переворот, совершенный только рабами (см., например, А. Г. П р и г о ж и н, Карл Маркс и проблема социально-экономических формаций, Огиз — Соцэкгиз, 1933, стр. 45 и многие работы, выходящие в последующее время).

¹⁰ См. К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. 19, стр. 121.

¹¹ Л. Л. Р а к о в, К проблеме разложения рабовладельческой формации, ИГАИМК, вып. 66, 1933.

¹² Под гибелью классов подразумевается их трансформация. Изменился способ присвоения прибавочного продукта и соединения рабочей силы со средствами производства (Р а к о в, ук. соч., стр. 21).

¹³ Там же.

современные ей исследования, свидетельствует о стремлении советских античников 30-х гг. овладеть теоретическим наследием марксизма.

20—21 мая 1933 г. состоялся пленум ГАИМК, посвященный проблеме социальной революции в античном мире, которая рассматривалась в свете тезиса о «революции рабов». С большим обобщающим докладом «Проблема социальной революции в античном обществе» выступил С. И. Ковалев, который уже в те годы был одним из ведущих исследователей античности, организатором дискуссий по ее основным вопросам. Он начал с установления общих признаков социальной революции¹⁴. Но так как теоретические установки С. И. Ковалева не совмещались с фактическим материалом из истории древности, он вынужден был предложить тезис об «историчности» понятия «социальная революция», меняющегося по содержанию и форме в зависимости от эпохи. Таким понятиям, как движущие силы революции, ее класс-гегемон также приписывалось различное значение в соответствии с тем или иным историческим периодом. Подобная постановка вопроса позволяла весьма многие события квалифицировать как «социальную революцию». Так, события в Греции VII—VI вв. до н. э. превращаются в «рабовладельческую революцию», поскольку их результат больше всего соответствовал интересам возникавшего класса рабовладельцев¹⁵.

С. И. Ковалев пытается раскрыть особенности и сущность рабовладельческого общества, установить его основное противоречие¹⁶, а следовательно, и закономерности классовой борьбы. Двигаясь от «методологической установки» к фактам, он обнаруживает в древнем Риме даже «единый фронт» крестьян, ремесленников, пролетариев с рабами или «фракционную борьбу» части мелких производителей, занятых ресованных в эксплуатации рабов и неполноправных¹⁷.

Фактический материал подгоняется С. И. Ковалевым под заданное понятие «революции рабов». Вот почему он оценивает события II—I вв. до н. э. в Риме как первый этап революции, где основной движущей силой были рабы. Революция на первом этапе была разгромлена. Господствующие классы консолидировались, установили империю и получили временную передышку, «стабилизацию», длившуюся до III в. н. э.

Период III—V вв. н. э. С. И. Ковалев рассматривал как вторую фазу «революции рабов». На этот раз рабы выступили совместно со своими союзниками: они, свободные крестьяне, пираты, германцы и солдаты слились в единую массу, дружно атаковавшую распадавшуюся твердыню Империи¹⁸. Одним из вождей этой революции автор считал императора Максимиана, выдвинувшегося из фракийских пастухов, жестокого гонителя сенатской знати.

В ходе второй фазы «революции рабов» было частично разрешено основное противоречие античного общества — возобладало мелкое хозяйство; правление Диоклетиана и Константина, полагает С. И. Ковалев, стало периодом временной стабилизации. Но сильнейшие пережитки рабства, и среди них презрение свободных к труду,

¹⁴ В социальной революции С. И. Ковалев видел следствие острой классовой борьбы, протекавшей в форме вооруженных восстаний и завершающейся переходом политической власти к победившему классу (см. С. И. Ковалев, Проблема социальной революции в античном обществе, ИГАИМК, вып. 76, 1934, стр. 28).

¹⁵ По мнению С. И. Ковалева, движущей силой «рабовладельческой революции» были свободные бедняки, находившиеся под угрозой порабощения, и рабы. Автор ссылается на сообщение Аристотеля о том, что Клисфен «включил в филы много иностранцев, рабов и метеков». Это рассматривается как награда рабам за помощь демосу в ходе революции (см. ИГАИМК, вып. 76, 1934, стр. 35—36).

¹⁶ С. И. Ковалев считает конкретной формой основного противоречия античного общества — противоречие между рабовладельческой собственностью, предполагающей простую кооперацию рабского труда, и индивидуальной собственностью, основанной на индивидуальном производстве (см. ИГАИМК, вып. 76, 1934, стр. 45).

¹⁷ С. И. Ковалев утверждает, что в Риме II—I вв. до н. э. сложился «объективно» единый фронт против рабовладельческого государства. Субъективно отдельные группировки, его составляющие, руководствовались разными целями (см. ИГАИМК, вып. 76, 1934, стр. 47—49).

¹⁸ С. И. Ковалев считает, что антирабовладельческий фронт теперь и субъективно становится единым (ИГАИМК, вып. 76, 1934, стр. 52).

требовали продолжения революции, завершившейся лишь с варварским завоеванием Империи¹⁹. Движущей силой революции на втором ее этапе были все социальные группы, представлявшие интересы мелкого производства (к ним причислена и армия). Среди них было мало рабов, чей удельный вес в экономике и классовой борьбе в эпоху Поздней империи падал. Однако в новой обстановке трудно провести резкую грань между рабами, крепостными колонами и варварами, да и общая борьба направлена против пережитков рабства. Поэтому, как подчеркивает С. И. Ковалев, классовая борьба последних столетий Империи была непосредственным продолжением и дальнейшим развитием классовой борьбы последних столетий Республики, когда ведущую роль играли рабы. Революция II—I вв. до н. э. и революция III—V вв. н. э. представляли, по С. И. Ковалеву, единый процесс, лишь временно приостановленный стабилизацией эпохи Флавиев и Антонинов. Хотя рабы на втором, победоносном — благодаря «единому фронту», — этапе революции не играли ведущей роли, объективный смысл революции не менялся. Она была начата рабами как антирабовладельческая и победила как таковая, несмотря на то, что ее ведущей силой стало крестьянство. Момент завоевания империи варварами неотделим от ее внутренних противоречий²⁰. В этой искусственной схеме понятие «социальной революции» отрывалось от конкретной истории. Чтобы наполнить его фактическим содержанием, приходилось нередко прибегать к тенденциозному перетолкованию исторических фактов социальной жизни и классовой борьбы древности.

О. О. Крюгер выступил с докладом «Рабские восстания II—I вв. до н. э. как начальный этап революции рабов». Автор сделал обстоятельный обзор рабских движений начиная с 217 г. до н. э. Интересны его наблюдения о влиянии социальной борьбы в эллинистических государствах на восстания сицилийских невольников и некоторые другие. Слабость доклада в чрезмерном преувеличении роли рабских восстаний для социальной жизни Рима. Так, оказывается, что именно рабские восстания послужили главным толчком к реформаторской деятельности Тиберия Гракха. Между тем общеизвестно, что Аппиан, на которого ссылается О. О. Крюгер, не дает оснований для такого вывода. Нельзя признать правильной мысль и о том, что движение рабов определило возможность выступления Катилины, причисленного автором доклада к революционерам. Разумеется, и события, связанные с именем Секста Помпея, никак нельзя признать (как это делает автор) «самым грандиозным рабским восстанием». Подобная интерпретация фактов позволяет О. О. Крюгеру считать диктатуру Суллы, деятельность триумвиров, установление Империи непосредственным следствием рабских восстаний. Если добавить к этому, что автор уже в I в. до н. э. обнаруживает зарождение феодализма, то понятен и его основной вывод: рабские восстания II—I вв. до н. э. — начальный этап революции рабов²¹.

А. В. Мишулин посвятил свое выступление восстанию Спартака. Автор, сетуя на отсутствие у Аппиана и Плутарха данных о социальных особенностях рабских восстаний, тем не менее ставил и намеревался решить именно те проблемы, которые не нашли освещения в исторических источниках²². Понятно, какая роль при этом отводилась косвенным данным.

Рассмотрев ход восстания, А. В. Мишулин выдвигает три проблемы:

1. Организация гражданской войны. По его мнению, восстание Спартака впервые дало образец борьбы до конца и умения владеть восстанием и войной как особого

¹⁹ Там же, стр. 58 сл.

²⁰ С. И. Ковалев утверждал, что «революция рабов» завершилась гибелью боюющихся классов. Переход власти от одного класса к другому не имел места. В этом автор усматривал специфику «революции рабов». В заключительной части доклада он выражал уверенность, что сумел полностью опровергнуть и модернизм Ростовцева, и выводы Каутского, отвергавшего идею революции в древности (ИГАИМК, вып. 76, 1934, стр. 59—60).

²¹ О. О. Крюгер, Рабские восстания II—I вв. до н. э. как начальный этап революции рабов, ИГАИМК, вып. 76, 1934, стр. 131.

²² А. В. Мишулин, Восстание Спартака в древнем Риме, ИГАИМК, вып. 76, 1934, стр. 135.

вида искусством в борьбе классов. Доказательства: Спартак сумел спустить по виноградным лозам свой отряд с Везувия и преодолел укрепления Красса в Бруттии ²³.

2. Массовый и классовый характер восстания. Автор считает восстание Спартака более радикальным, нежели все предшествовавшие ему. В нем впервые совместно выступили рабы и мелкие крестьяне. В качестве обоснования приводится известное сообщение Аппиана о бегстве к Спартаку «свободных с полей», на наш взгляд, недостаточное для широких обобщений.

3. Программа восстания. Спартак, объединявший рабов, стремился вывести их из Италии. Крикс, вокруг которого группировались мелкие земледельцы, не хотел покидать Аппенинского полуострова. Отсюда и разногласия в стане повстанцев ²⁴.

Из всего изложенного выше А. В. Мишулин делает вывод: восстание Спартака — революция рабов, подготовившая гибель рабства ²⁵.

По докладам на дискуссии развернулись оживленные прения. Мнения разошлись по вопросам: об основном противоречии античного общества ²⁶, о характере революции Солона ²⁷, социальной борьбы V—IV вв. до н. э. в Риме и т. д. ²⁸. Были выдвинуты новые интересные проблемы: об общественных укладах в рабовладельческом обществе, роли и значении различных социальных групп ²⁹, эволюции римских плебеев и многие другие. Наиболее существенный недостаток дискуссии был отмечен Б. Л. Богаевским: докладчики мало использовали источники, археологические, лингвистические и этнографические данные. Вот почему вне поля зрения остались целые эпохи, а античный мир странным образом уложился в два века разложения общинного строя (VII—VI вв. до н. э.), век стабильной жизни (V в. до н. э.) и восемь веков разложения рабовладения (IV в. до н. э.—IV в. н. э.) ³⁰.

Итак, в ходе дискуссии выявились актуальные проблемы истории античного мира, проявился особый интерес к значению и роли рабского населения. Дальнейшая работа в этом направлении оказалась успешной и во многом определила сейчас признаваемые и западными исследователями достижения советского антиковедения ³¹. Однако, хотя дискуссия, таким образом, указала верное направление для дальнейших кон-

²³ Как видно, А. В. Мишулин подходил к восстанию Спартака так же, как к вооруженному восстанию пролетариата.

²⁴ Впоследствии А. В. Мишулин более подробно развил все эти положения в своих работах «Революция рабов и падение Римской республики» (М., 1936) и «Спартакосское восстание» (М., 1936). Его основной тезис о рабах как классе-гегемоне этого этапа «революции рабов» и колеблющейся позиции «попутчиков» из числа крестьян, о разногласиях между рабами и крестьянами как одной из причин поражения восстания, вызвал довольно оживленную полемику. А. В. Мишулина в той или иной мере поддерживали В. С. Сергеев («Очерки по истории древнего Рима», I, М., 1938, стр. 267) и Н. А. Машкин («История Рима», 1947, стр. 263). Напротив, С. И. Ковалев, (С. А. Желебев и С. И. Ковалев, Великие восстания рабов II—I веков до н. э. в Риме, ИГАИМК, вып. 101, 1934, стр. 152; 166 см.) и А. А. Мотус-Бекер («Из истории восстания Спартака», Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та, вып. 68, стр. 55—78) считали, что А. В. Мишулин преувеличивает роль и численность крестьян в армии Спартака и что разногласия между повстанцами обуславливались отчасти их этнической пестротой, отчасти — различием взглядов на стратегию и тактику борьбы. В. Н. Дьяков («История древнего мира», М., 1952, стр. 621) и французский исследователь Бриссон (J. P. B r i s s o n, Spartacus, P., 1959, стр. 212—218) вообще отрицали разногласия в лагере Спартака, считая их выдумкой историков, желавших очернить повстанцев. Окончательно решить этот вопрос при нынешнем состоянии источников невозможно, и утверждения А. В. Мишулина несомненно излишне категоричны.

²⁵ ИГАИМК, вып. 76, 1934, стр. 161.

²⁶ См. выступления П. Н. Шульца, Р. В. Шмидт, ИГАИМК, вып. 76, 1934, стр. 177—211.

²⁷ См. выступление В. П. Лисина, там же, стр. 168 и сл.

²⁸ См. ИГАИМК, вып. 76, 1934, стр. 184 сл.

²⁹ См. там же, стр. 171 и сл.

³⁰ См. выступление Б. Л. Богаевского, там же, стр. 194 сл.

³¹ J. V o g t, Sklaverei und Humanität, Wiesbaden, 1965 («Historia», Einzelschriften, Heft 8), стр. 54 сл., 108 сл.

кретноисторических исследований, значение ее в плане широких исторических обобщений было резко снижено определившим ее ход воздействием идеи «революции рабов»³².

Более того, «поиски» революции рабов часто приводили в исторической литературе тех лет к тенденциозности в оценках конкретного материала. Для примера рассмотрим работу В. И. Недельского «Революция рабов и происхождение христианства», выпущенную в 1936 г.

Упрекнув историков античности в недостаточном внимании к тезису о «революции рабов», особенно при изучении гибели Римской империи и истории раннего христианства³³, автор в VI главе пытается нарисовать картину этой революции, относимой им к 186—282 гг. Армию революции, по его мнению, составляли колонны, руководимые рабами³⁴.

Не пересказывая подробно изложение автора, я коснусь связи его выводов с материалом источников. Главным из них оказались *Scriptores historiae Augustae*, где, как утверждает В. И. Недельский, «за массой клеветы и лжи» можно разглядеть «черты грандиозной, но подавленной революции»³⁵. Тенденциозность источника преодолевается достаточно просто: социальные симпатии так называемых «солдатских императоров» определяются главным образом по, так сказать, анкетным данным. Для В. И. Недельского прежде всего показательно, что большинство «тиранов» — выходцы из низших классов. В числе революционеров оказываются Максимин Фракийец, который будто бы «не мог забыть чисто крестьянского воспитания и быта»³⁶, другой «выходец из низов» — император Филипп Араб и, наконец, один из эфемерных галльских императоров, оружейник Марий, о котором вообще не сохранилось сколько-

³² Показательна в этом плане интересная в целом статья С. А. Жебелева и С. И. Ковалева «Великие восстания рабов II—I вв. в Риме» (ИГАИМК, вып. 101, 1934). Обращаясь к источникам, авторы делают интересные наблюдения: правильно раскрываются многосторонние противоречия, охватившие римское общество во II в. до н. э. Именно их обострением объясняется вспышка рабских восстаний. Прослеживается разница между Сицилийскими восстаниями, движением во главе с Аристоником и войной рабов, руководимой Спартаком. Разногласия в спартаковской армии объясняются племенной враждой, царившей среди повстанцев; не преувеличивается участие свободной бедноты в движении рабов. Поражение восстаний объясняется их локальностью, стихийностью и слабой дисциплиной участников. Перечисленные выводы были новым словом в советской науке об античности в 30-х гг. Но в тех случаях, где авторы связывают рассматриваемые в работе восстания с «революцией рабов», они теряют связь с фактами: 30-е гг. II в. до н. э. определяются как революционная ситуация, переросшая в «революцию рабов» (стр. 153); сицилийские государства рабов рассматриваются как принципиально отличные от тех эллинистических образцов, которым рабы подражали (стр. 172), — предполагается, будто рабы не восстанавливали рабства. Обосновывается этот вывод так: «Допуская обратное, мы вообще уничтожаем революционный смысл движения угнетенного класса, подменяя его реакционным тезисом, что угнетаемые всегда стремятся поменяться местами с угнетателями» (стр. 174). Авторы ставят вопрос: неужели крестьяне, поднимавшие восстания в средневековой Европе, имели целью поменяться местами с феодалами? Но ведь средневековая Европа не пережила победоносных крестьянских войн. В рассматриваемой статье ставятся неразрешимые вопросы: что было бы, если бы рабы победили, в чем заключалась «стратегия и тактика» повстанцев, как они решали «проблему руководства» и т. п.

³³ В. И. Недельский, Революция рабов и происхождение христианства, М., 1936, стр. 7.

³⁴ Там же, стр. 55.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же, стр. 46. Колоритный образ Максимиана Фракийца не раз субъективно толковался в исторической литературе; так, Альтхайм считает его первым германцем на римском престоле. (См. G. W a l s e r, Th. P e k a r y, Die Kriese des Römischen Reiches. Bericht über die Forschungen zur Geschichte des 3. Jahrhunderts (193—284). В., 1962, стр. 17—18.) Следует отметить, что характеристика армии III в. и выдвинутых ею императоров как революционного элемента восходит к М. И. Ростовцеву. Не смотря на общую критику его антиреволюционной позиции, составляющая ее существенную часть оценка армии III в. одно время довольно широко использовалась нашими историками.

нибудь достоверных данных. О типично «разбойничьем» движении, руководимом Матерном и включавшем колонов, крестьян и рабов³⁷, автор пишет: «Так впервые в истории римских восстаний рабов была поставлена задача захвата государственной власти. Восстание Спартака не шло так далеко. В восстании Спартака рабы стремились уйти из Италии, а теперь ставили своей задачей захват власти. Это означало подъем революции на высший этап»³⁸. Автор серьезно повествует о совместном выступлении сицилийских рабов и крестьян, в середине III в. якобы захвативших и поделивших виллы и крупные поместья сенаторов. Между тем в биографии Галлиена, на которую ссылается В. И. Недельский, говорится: «Наконец, когда все части земного круга были потрясены словно вследствие заговора всего мира, началось в Сицилии нечто вроде войны с рабами: там бродили разбойники, которые с трудом были разгромлены»³⁹.

Так факты подгонялись под заранее заданную концепцию. Тенденцией к преувеличению роли рабов в народных движениях III—V вв. (что должно было подтвердить все тот же тезис) были отмечены и некоторые работы, основанные на серьезном изучении источников⁴⁰. Тем не менее в ходе развития советской науки об античности тенденция эта постепенно преодолевалась. Преодоление ее было связано с работой советских историков над общими курсами истории Рима.

В 1938 г. вышли в свет «Очерки по истории древнего Рима» В. С. Сергеева, четко обозначившие некий рубеж в развитии нашей историографии. Общие выводы автора основаны на громадном фактическом материале, особенно в части, посвященной Империи. В. С. Сергеев не придерживался схемы «революции рабов», сконструированной в ходе рассмотренной выше дискуссии. Он обстоятельно прослеживал процесс феодализации Империи, не отводя «революции рабов» слишком большого места, не пытаясь найти для нее сколько-нибудь четкое определение. Автор подчеркивал, что это — вопрос, «при современном состоянии наших знаний по античной истории далеко еще не ясный и в достаточной мере не изученный»⁴¹.

В 1947 г. С. И. Ковалев отказался от прежде принятой им схемы, отметив, что рабские восстания II—I вв. до н. э. нельзя считать первым этапом революции рабов, так как они не имели признаков, характеризующих революцию, и не было еще предпосылок для перехода от рабовладельческой к феодальной формации. Поэтому, считает теперь С. И. Ковалев, о революции рабов можно говорить лишь применительно к III—V вв.⁴²

В том же 1947 году Н. А. Машкин опубликовал учебник «История древнего Рима», основанный на большом конкретном материале. От понятия «революция рабов» автор не отказался, но в его концепции эта революция свелась к восстаниям угнетенного населения на окраинах Империи, распатавшим рабовладельческий строй⁴³. В 1949 г. вышла фундаментальная работа Н. А. Машкина «Принципат Августа», в которой проблема падения Республики рассматривается вне связи с революцией рабов в целом или с какой-либо из ее фаз.

В 1953 г. на страницах ВДИ по инициативе редакции открылась новая дискуссия.

³⁷ См. Е. М. Штаерман, Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи, М., 1957, стр. 322.

³⁸ В. И. Недельский, Революция рабов и происхождение христианства, стр. 45 сл.

³⁹ SNA. Авторы жизнеописаний Августов, ВДИ, 1959, № 2, стр. 238 сл.

⁴⁰ А. Д. Дмитриев, Движение багаудов, ВДИ, 1940, № 3—4; он же, Падение Дакии, ВДИ, 1949, № 1; он же, Восстание вестготов на Дунае и революция рабов, ВДИ, 1950, № 1; Н. А. Машкин, Движение агонистиков, «Историк-марксист», 1935, № 1. Критический разбор этих работ см. в ст.: А. Р. Корсунский, Движение багаудов, ВДИ, 1957, № 4 и (об агонистиках) в монографии: Г. Г. Дилигенский, Северная Африка в IV—V вв., М., 1961, стр. 174—200.

⁴¹ В. С. Сергеев, Очерки по истории древнего Рима, ч. 2, М., 1938, стр. 761.

⁴² С. И. Ковалев, Две проблемы римской истории, «Вестник ЛГУ», 1947, № 4, стр. 86—99.

⁴³ Н. А. Машкин, История древнего Рима, М., 1947, стр. 581.

Ее начала Е. М. Штаерман статьей «Проблема падения рабовладельческого строя»⁴⁴. Ее положения, более подробно развитые в монографии «Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи» (М., 1956), в основном сводились к следующему. В Империи сосуществовали три формы собственности. Первая — это античная рабовладельческая, игравшая доминирующую роль в эпоху расцвета Империи, представленная средними виллами, чьи владельцы принадлежали к коллективу муниципальных собственников, который соответственно ограничивал право собственности. Такие виллы, всего теснее связанные с товарно-денежными отношениями, предоставляли оптимальные условия для развития чисто рабовладельческого хозяйства. Слой собственников рабовладельческих вилл — сословие декуршенов — составлял основную опору Империи в период ее наибольшего могущества. Вторая форма собственности была представлена экзимирированными салтусами, которые не были ограничены городами и представляли более развитую частную собственность, чем античная. Вследствие несовместимости крупного землевладения с чисто рабовладельческой эксплуатацией в салтусах преобладающее значение приобретает труд мелких земледельцев, посаженных на землю рабов, отпущенников и колонов разных категорий, постепенно сливавшихся в единую массу зависимого населения, ближе стоявшую к крепостным, чем к рабам античного типа. Третья форма собственности — мелкое крестьянское землевладение с большими или меньшими пережитками общинных отношений, оживляющихся к концу Империи. Эта форма, служившая в период расцвета рабства питательной средой для распространения рабовладельческих вилл, с его упадком становится одной из основ роста крупного землевладения. Крестьяне и общины втягиваются в сферу влияния земельных магнатов и закрепощаются ими. Борьба между социальными слоями и классами, связанными с этими формами собственности, определяла ход истории Империи эпохи ее упадка. Крупные собственники стремились к максимальной независимости от городов и опиравшегося на них государства, поддерживавшего сословие декуршенов и тесно связанной с ним армией. Крестьяне и колоны разных категорий выступали как против закрепощения и усиления их эксплуатации крупными собственниками, так и против гнета государства. В борьбе с последним они иногда оказывались в одном лагере с феодализирующей знатью, но, когда восстания принимали широкий размах, последняя вновь искала союза с правительством, вынужденным идти на все большие ей уступки. Кризис III в. окончился ее победой и поражением муниципальных слоев. С начала IV в. уже нельзя говорить о классах рабов и рабовладельцев как определяющих для римского общества. Основными становятся классы крупных землевладельцев и зависимых мелких земледельцев. Но развитие феодальных отношений тормозилось значительными пережитками античной формы собственности и порожденным ею государством. Сместить их могла лишь революция. Передовым классом в этой революции были наиболее решительно боровшиеся с римским государством провинциальные земельные магнаты, использовавшие массовые движения народных масс и вступавшие в союз с вождями варваров. Варвары выступали и как союзники восставших крестьян и колонов. Так, же после победы, выражавшейся в отпадении той или иной провинции от Империи, противоречия между классами, которые делались основными в новом становящемся обществе, выступали со всей четкостью. Крупные землевладельцы, сохранившие частично свое положение при варварских королях, ищут их помощи для подавления крестьянских восстаний и укрепления своей власти над зависимыми земледельцами. Тем не менее слом старой государственной машины, перераспределение земли, уничтожение античной формы собственности свидетельствовали о коренном перевороте, который носил характер социальной революции.

⁴⁴ Е. М. Штаерман, Проблема падения рабовладельческого строя, ВДИ, 1953, № 2, стр. 51 и сл.

[В дискуссии, открывшейся статьей Е. М. Штаерман, приняли участие как античники (С. И. Ковалев, А. Г. Гемп, А. Р. Корсунский), так и византийцы (А. П. Каждан, З. В. Удальцова, Е. Э. Липшиц, М. Я. Сюзюмов). Обсуждение разворачивалось в основном по двум, хотя и теснейшим образом взаимосвязанным, линиям: формационная принадлежность Поздней империи и характер перехода от рабовладельческой формации к феодальной.

Первая проблема главным образом связывалась с рассмотрением положения рабов и колонов и их удельного веса в производстве в III—V вв. Можно ли считать, что в это время колонат вытесняет рабство и в каких пределах допустимо сближать позднеримского колона с феодальнозависимым крестьянином — таковы вопросы, на которые искали ответа участники дискуссии. В центре второй проблемы стоял вопрос о возможности выделить необходимый во всякой революции класс, ее осуществивший, и, соответственно, о том, можно ли считать падение Западной Римской империи результатом внутренней революции, или следует признать, что основной движущей силой здесь оказались варварские завоевания.

Первой проблеме было, в общем, уделено больше внимания, и для решения ее авторы привлекали большой фактический материал из разных областей римского мира, что выгодно отличало эту дискуссию от дискуссии 1933 г. и свидетельствовало о значительных успехах нашей науки. А. П. Каждан в своей статье⁴⁵ упрекал Е. М. Штаерман в непоследовательности, с какой она признавала передовым классом феодализирующуюся земельную знать, тогда как на деле в наиболее полной ликвидации всех пережитков рабовладения были заинтересованы только крестьяне. Отрицал он и определяющую роль полисной, муниципальной собственности для античного мира, а следовательно, и значение борьбы между владельцами экзимированных салтусов и муниципальными собственниками. Сущность рабовладельческого общества, писал в этой статье А. П. Каждан, не в полисной собственности, а в собственности рабовладельца на средства производства и раба. Как и во всякой формации, здесь должно было существовать и до известного времени существовало соответствие между уровнем развития производительных сил и производственными отношениями, что обеспечивало прогресс первых. Совершенствовалась техника, развивалось и все производство в целом, что подготовляло переход к новому, более передовому способу производства. Но затем соответствие это оказалось нарушенным и не могло быть восстановлено в рамках Империи, так как до самого конца ее существования рабский труд оставался господствующим во всех типах имений. А. П. Каждан выступает против общераспространенного представления о растущей концентрации земли в последние века Империи. Среднее и мелкое землевладение, по его мнению, не только не исчезает, но даже развивается, между прочим, за счет укрепления владельческих прав колонов.

Труд колонов не вытеснял труда рабов, так как колоны и сами нередко были рабовладельцами. Но в их хозяйствах рабский труд большой роли не играл; в основном колоны становились мелкими самостоятельными производителями, т. е. тем классом, за которым было будущее. Лишь с его победой могло установиться новое соответствие между производительными силами и производственными отношениями. Он и вел наступательную борьбу, чтобы расчистить путь новым отношениям, причем союзниками его выступали варвары.

А. Р. Корсунский⁴⁶ оспаривал тезис А. П. Каждана об укреплении владельческих прав колонов в III—V вв. По его мнению, напротив, права колонов на землю и другие средства производства все более ограничивались, имущество колонов сближалось с рабским пекулием, хотя грани между рабами и колонами не стирались, колоны

⁴⁵ А. П. Каждан, О некоторых спорных вопросах истории становления феодальных отношений в Римской империи, ВДИ, 1953, № 3, стр. 77—106.

⁴⁶ А. Р. Корсунский, О положении рабов, вольноотпущенников и колонов в западных провинциях Римской империи в IV—V веках, ВДИ, 1954, № 2, стр. 46—69.

по своему положению в обществе и отношению к средствам производства были ближе к рабам, чем к крепостным крестьянам. Поэтому, если и допустимо говорить о зарождении феодальной собственности в империи, то неправомерно преувеличивать (как это делает Е. М. Штаерман) степень ее развития. Развитие это скрывалось римским государством и правом. Феодализм мог сложиться лишь много веков спустя, в результате синтеза с варварскими обществами. О силе рабовладельческих отношений в Поздней империи свидетельствует не только положение колонов, но и положение рабов и отпущенников, не претерпевшее значительных изменений в сравнении с прошлыми веками. Ни те, ни другие по своей правоспособности не приблизились к крепостным, а роль их в производстве, не только в муниципальных виллах, но и в крупных имениях была очень велика. Рабовладельческие отношения в Поздней империи были не пережиточными, а основными, определяющими.

Точку зрения А. Р. Корсунского разделяли А. Г. Гемп⁴⁷ и З. В. Удальцова⁴⁸, подчеркивавшая, что и после падения Римской империи, в VI в., еще продолжалась борьба рабовладельческой и феодальной тенденции развития. М. Я. Сюзюмов⁴⁹ в утверждении рабовладельческого характера Поздней империи шел особенно далеко, почти полностью отрицая зарождение даже элементов феодального способа производства в IV—V вв. Собственность тогда, пишет он, оставалась рабовладельческой, полисной, независимо от того, что некоторые сочлены господствующего [класса] получали доходы за счет эксплуатации не рабов, а свободорожденных. Отживающие классы во главе с императорами старались втиснуть в старые формы новые производительные силы и новые хозяйственные методы. В этом состояла их глубоко реакционная роль, а [потому совершенно неправильно считать господствующий класс или какую-то его группу приближающимися к феодальным и способными играть роль передовых. Более прогрессивной была мелкая собственность, и выступления защищавших ее крестьян и колонов были революционными, но и они не были классом-гегемоном, ибо мелкая собственность не может способствовать развитию производительной силы общественного труда, а также потому, что колоны не ставили себе целью уничтожить отношения господства и подчинения. Так как в Империи не было ни элементов нового строя, ни передового революционного класса, его назначение выполнили варвары. Они не только разрушили старое, но и открыли пути новому, сделав землю достоянием общины, что открывало возможности для развития феодализма. Генезис феодализма занял века именно потому, что внутри Империи никаких предпосылок для становления феодальных отношений не было.

Напротив, Е. Э. Липшиц⁵⁰ доказывала, что в IV в. рабы уже не были основным эксплуатируемым классом. С этого времени таковым становятся колоны, которые, как по своим владельческим правам, так и по повинностям (барщина и оброк) резко отличались от рабов и сближались с крепостными. Феодальный способ производства уже внутри Империи вытеснял рабовладельческий, и революционные движения разрушили то, что и само клонилось к упадку.

Эта первая из поставленных в дискуссии проблем разрабатывалась и дальше. Непосредственно вслед за окончанием дискуссии вышел второй том «Всемирной истории»⁵¹, в котором крушение рабовладельческого способа производства рассматривается на гораздо более широком материале, для всех древних рабовладельческих государств — Китая, Индии, Парфии, Армении, Боспорского царства и Римской империи — с усиленным учетом общего и особенного в происходивших там в это время процессах.

⁴⁷ А. Г. Гемп, Трибутирии и инквилины Поздней Римской империи, ВДИ, 1954, № 4, стр. 75—83.

⁴⁸ З. В. Удальцова, Сельское зависимое население Италии VI века, ВДИ, 1955, № 3, стр. 85—116.

⁴⁹ М. Я. Сюзюмов, К вопросу о процессах феодализации в Римской империи, ВДИ, 1955, № 1, стр. 51—67.

⁵⁰ Е. Э. Липшиц, Проблема падения рабовладельческого строя и вопрос о начале феодализма в Византии, ВДИ, 1955, № 4, стр. 63—71.

⁵¹ «Всемирная история», т. II, под ред. С. Л. Утченко и др., М., 1956.

В заключении ко второму тому (стр. 814—818) отмечалось, что во всех рассмотренных странах, кое-где раньше, кое-где позже, в первые века нашей эры имело место разложение рабовладельческой формы собственности, рост крупного землевладения и удельного веса труда зависимых мелких земледельцев; это сопровождалось закрепощением крестьян, крайним обострением классовой борьбы и политическими переворотами. Там, где рабство было развито слабее, соответственные процессы шли медленнее, становление феодальных и окончательное вытеснение рабовладельческих отношений растягивалось на очень долгий срок, в течение которого наблюдалось причудливое сочетание и сложные взаимоотношения элементов рабовладения и феодализма. Путь к новым формам шел через революцию, в которой большую роль играли вторжения соседствовавших с рабовладельческими государствами народов, находившихся на той или иной стадии разложения первобытнообщинного строя. В Западной Римской империи, где рабство в наибольшей степени овладело производством, кризис был наиболее острым, а крушение рабовладельческого способа производства сопровождалось полным сломом государственного аппарата, что имело место далеко не везде и не всегда.

В последующие годы продолжалась разработка и исследование конкретных путей разложения рабовладельческих и генезиса феодальных отношений в различных частях средиземноморского мира. Известные итоги этому направлению исследований были подведены на совещании секции «Генезис феодализма» Научного совета по проблеме «Закономерности исторического развития общества и перехода от одной социально-экономической формации к другой», которое состоялось в мае — июне 1966 г.⁵²

Вторая проблема, рассматривавшаяся в организованной ВДИ дискуссии, как уже упоминалось выше, состояла в теоретическом осмыслении характера перехода от рабовладельческой к феодальной формации. Вопрос ставился примерно так: если концепция «революции рабов» не подтверждается фактами и приводит к неоправданным натяжкам, то можно ли вообще считать, что в конце существования рабовладельческой формации имела место революция, а если да, то каковы были ее особенности и движущие силы? Если же революции не было, то как можно квалифицировать всю совокупность событий, в результате которых Западная Римская империя пала, а рабовладельческий способ сменился феодальным?

В ходе рассмотрения на последующих страницах работ, касающихся этой проблемы, представляется уместным высказать, в свою очередь, некоторые соображения дискуссионного порядка.

Наиболее подробно в ходе дискуссии вопрос этот был разобран С. И. Ковалевым⁵³. Особенности перехода от рабовладельческой формации к феодальной автор видит в отсутствии революционного класса, класса-гегемона, который мог бы совершить революцию, и в необычайной продолжительности перехода к новому способу производства, поскольку феодализм складывался на развалинах Римской империи в течение четырех веков. Но, несмотря на столь специфические особенности, резко отличающие рассматриваемые события от революций не только пролетарских, но и буржуазных, С. И. Ковалев считает, что и в конце античности имела место социальная революция, так как социальной революцией может считаться всякая смена способов производства, наступающая в результате резкого несоответствия старого способа производства, старых производственных отношений уровню развития производительных сил. Однако вследствие отсутствия класса-гегемона революция носила только деструктивный характер, в отличие от революций буржуазных и социалистических, носивших характер конструктивный, и завершилась она не переходом власти в руки передового класса, а совместной гибелью обоих антагонистических классов, постепенным исчезновением рабов и рабовладельцев как социальных категорий. Это была, заключает С. И. Ковалев, антирабовладельческая социальная революция.

⁵² См. тезисы докладов (М., 1966).

⁵³ С. И. К о в а л е в, К вопросу о характере социального переворота III—V вв. в Западной Римской империи, ВДИ, 1954, № 3, стр. 33—44.

По существу говоря, С. И. Ковалев во многом остается здесь на своих старых позициях. Вызывает сомнение уже сама методологическая установка, из которой исходит С. И. Ковалев, утверждая, что рабство пало в результате антирабовладельческой революции, главной особенностью которой и, если угодно, главным признаком является совместная гибель борющихся классов.

Нам известно, что К. Маркс и Ф. Энгельс допускали такой исход классовой борьбы⁵⁴. С. И. Ковалев уверен, что в том месте «Манифеста Коммунистической партии», где говорится о «совместной гибели борющихся классов», речь идет несомненно о падении античного общества⁵⁵. Между тем нам представляется, что для подобного утверждения нет оснований. Античность не знает отмены рабства или привилегий рабовладельцев. Эти классы трансформировались в течение многих веков. Гибель борющихся классов (разумеется, речь не идет об их физическом уничтожении), революционное переустройство общества в результате классовой борьбы характерны не для античного мира, а для нового времени. Так, Французская буржуазная революция XVIII в. завершилась гибелью основных классов — феодалов и феодалозависимых крестьян: были полностью отменены привилегии и повинности.

На основании сказанного, кажется, можно утверждать, что «совместная гибель борющихся классов» как исход классовой борьбы не является специфической или главной отличительной чертой «антирабовладельческой революции»⁵⁶. Более того, понимание под совместной гибелью борющихся классов постепенной, длившейся веками трансформации рабов и рабовладельцев есть натяжка конкретного материала под вынесенную за скобки конкретную историю формулировку⁵⁷.

Ссылаясь на известное место работы К. Маркса «К критике политической экономии»⁵⁸, С. И. Ковалев утверждает, будто оно не оставляет сомнения в том, что К. Маркс понимал под социальной революцией всякую смену общественно-экономических формаций, всякую смену способов производства, вызванную резким несоответствием производственных отношений характеру производительных сил⁵⁹. Так ли это⁶⁰? Ответить на поставленный вопрос легче всего путем выяснения взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на падение Римской империи. Как известно, Ф. Энгельс неоднократно констатирует кризис рабовладельческого способа производства. Он говорит, что вывести римское общество из тупика могла бы лишь коренная революция, но совершить

⁵⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 424.

⁵⁵ Ковалев, К вопросу о характере социального переворота..., стр. 41, прим. 1.

⁵⁶ Ф. Энгельс указывает на то, что к концу варварского завоевания империи оставались почти те же основные классы, что и в начале. «... Люди, составлявшие эти классы, все же стали другими. Исчезло античное рабство, исчезли разорившиеся, нищие свободные, презиравшие труд как рабское занятие» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 153).

⁵⁷ Точка зрения С. И. Ковалева ранее принималась нами и изложена в нашей работе «Древний Рим», Фрунзе, 1959, стр. 288.

⁵⁸ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 7.

⁵⁹ Ковалев, К вопросу о характере социального переворота..., стр. 44.

⁶⁰ С. Л. Утченко пишет: «Социальная революция — закон перехода от одной формации к другой. Это понимание социальной революции, общее для всех советских историков, предельно ясно и не вызывает никаких сомнений» («Становление Римской империи и проблема социальной революции», ВИ, 1964, № 7, стр. 114). Смею заметить, что если речь идет о социальной революции как способе перехода от рабовладения к феодализму, то об установившихся взглядах говорить не приходится. Вот несколько примеров. «Исторический материализм» под ред. Ф. В. Константинова (1950, стр. 301): «Первыми во времени социальными революциями угнетенных были революции рабов. Эти революции привели к ликвидации рабовладельческого строя». Во втором издании той же работы (1954) говорится просто о революции, приведшей к замене рабовладельческой формации феодальной. Ее совершили рабы и примкнувшие позднее к ним колонны. Эти социальные группы преследовали консервативные цели, а потому их борьба привела к утверждению новой формы эксплуатации (стр. 243 сл.). «Основы марксистской философии». (Учебник, изд. 2-е [Ф. В. Константинов и др.], М., 1964, стр. 472): «Истории известны примеры, когда старый строй экономически изжил себя, но в его недрах не вырос такой революционный класс, который был бы способен создать новый экономический строй. В таких случаях переход от старого общественного строя к новому принимает весьма длительную затяжную, мучительную форму».

ее народные массы были бессильны⁶¹. Эта мысль проходит через все работы Энгельса, посвященные раннему христианству. О том же идет речь в «Происхождении семьи, частной собственности и государства»⁶². Как же все-таки был преодолен кризис рабовладельческой системы? Точка зрения Энгельса совершенно определена. Основанное на рабстве производство чревато неразрешимыми в его рамках противоречиями. «Разрешение его (противоречия.— А. К.) совершается в большинстве случаев путем насильственного порабощения гибнущего общества другим, более сильным... До тех пор пока эти последние, в свою очередь, имеют своей основой рабский труд, происходит лишь перемещение центра, и весь процесс повторяется на более высокой ступени, пока, наконец (Рим) не происходит завоевание таким народом, который вместо рабства вводит новый способ производства»⁶³. Этот тезис раскрывается на фактическом материале в восьмом разделе «Происхождения семьи, частной собственности и государства». Об «антирабовладельческой революции» Энгельс ничего не говорит.

Против чересчур упрощенного представления о крушении Западной Римской империи как о социальной революции выступил А. Р. Корсунский, в статье⁶⁴, основанной в значительной мере на его предыдущих работах о характере способа производства в IV—V веках и о народных движениях в Поздней империи. Он доказывает, что размах и значение этих движений преувеличивались в нашей литературе и что в Империи не было ни сил, способных совершить социальную революцию, ни предпосылок для нее, т. е. развитого феодального уклада. Поэтому падение Западной Римской империи социальной революцией считать нельзя. Оно не повело непосредственно ни к возникновению нового феодального строя, ни к переходу господства в руки нового класса. Однако все же весь процесс перехода от рабовладения к феодализму, А. Р. Корсунский считает революцией, имея в виду генезис феодализма в результате завоевания Империи германцами и взаимодействия варварского и римского обществ. А. Р. Корсунский считает особенностями этого периода отсутствие, в начале его, передового класса, способного установить свое политическое господство, гибель политической надстройки античного общества, распатанного классовой борьбой, облегчившей варварские завоевания, и длительность переходной эпохи. Все это, по существу, те же черты антирабовладельческой революции, которые называл С. И. Ковалев, хотя, фактически, А. Р. Корсунский и не стоит на его позициях, и приведенный им материал скорее подводит его к выводу прямо противоположному — поскольку в Римской империи еще не возникли сколько-нибудь заметные предпосылки феодального способа производства, и открытые проявления классовой борьбы носили в общем спорадический и стихийный характер, о социальной революции, не только как об однократном акте, но и как о вековом процессе вряд ли можно говорить. Но этот, как нам кажется, напрашивающийся вывод А. Р. Корсунским сформулирован не был.

Неясность в трактовке характера перехода от рабовладельческой формации к феодальной мы наблюдаем и у других авторов опубликованных за последние годы работ, исходящих, в основном, из общих определений социальной революции и пытающихся приложить их к рассматриваемому нами периоду.

В учебном пособии «Марксистско-ленинская философия» социальная революция рассматривается как «закон смены классовых общественно-экономических формаций»⁶⁵. «Социальная революция,— говорится в другом учебнике,— это такой общественный переворот, при котором ниспровергается власть отживающих классов и уста-

⁶¹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 149; т. 22, стр. 483.

⁶² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 24, стр. 147. Ср. А. Р. Корсунский, Проблемы революционного перехода от рабовладельческого строя к феодальному в Западной Европе, ВИ, 1964, № 5, стр. 99 сл.

⁶³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 643.

⁶⁴ Корсунский, Проблемы революционного перехода...

⁶⁵ «Марксистско-ленинская философия», учебное пособие [редколлегия: В. П. Рожин, В. П. Тугаринов, Б. А. Чагин], изд. 2-е, М., 1966, стр. 393.

навливаются власть прогрессивных, революционных классов»⁶⁶. Такое определение социальной революции, разумеется, не вызывает возражений, но его трудно приложить к событиям, сопровождавшим падение Римской империи, крушение рабовладельческого строя. Возможно, поэтому авторы учебника специально оговаривают отсутствие в недрах рабовладельческого общества революционного класса, способного создать новый экономический строй, в результате чего переход от старого общественного строя к новому принимает весьма затяжную и мучительную форму («например, в Западной Европе переход от рабства к феодализму занял несколько столетий»)⁶⁷. Поскольку рабы не способны были отменить рабство, свергнуть рабовладельцев и взять государственную власть в свои руки, рабство пало «в результате объединения борьбы революционных классов Рима с мощными ударами извне»⁶⁸. Эту схему, предложенную еще в 30-х годах, на наш взгляд, трудно согласовать с тезисом о социальной революции как о высшей ступени классовой борьбы, «непременным условием и решающим моментом» которой «является переход государственной власти в руки революционного класса»⁶⁹. К тому же, если даже допустить, что рабство в Западной Римской империи пало в результате варварских завоеваний (хотя, по-видимому, правы те, кто считает, что к IV в. рабский труд не играл существенной роли в экономике), то в Византийской империи, включавшей в себя большую часть Римской державы, переход к феодализму осуществился иным, чем на Западе, путем. Можно ли, в таком случае, конкретнo-исторический факт завоевания части рабовладельческого мира возводить в основной тип социальной революции при переходе от рабовладельческой формации к феодализму?⁷⁰

Б. Ф. Поршнев в интересной работе «Феодализм и народные массы» не раз обращается к проблеме гибели рабства. Его точка зрения в целом не отличается от той, которую высказывают авторы «Марксистско-ленинской философии». Он пишет, что «революционная ликвидация рабовладельческого способа производства занимает несколько столетий всемирной истории»⁷¹ и что «древний Рим был разрушен натиском масс изнутри и извне»⁷².

И авторы «Марксистско-ленинской философии», и Б. Ф. Поршнев, как уже упоминалось выше, критикуют тезис о революции рабов и самый этот термин⁷³. Но если вслед за авторами учебного пособия считать, что «тип социальной революции, ее объективное содержание или характер определяются тем, какие социальные противоречия она разрешает, какой общественно-экономический строй ниспровергает...», и что «трем основным типам антагонистических классовых общественно-экономических формаций... соответствует и три основных типа социальных революций»⁷⁴, то почему, собственно, отказываться от термина «революция рабов»? Чем он хуже описательного понятия «социальная революция при переходе от рабовладения к феодализму» или термина «антирабовладельческая революция»?

Дело, кажется нам, не в термине, а, как уже говорилось выше, в механическом перенесении закономерностей одной эпохи в другую, но этой методологической ошибки как будто не замечают. Напротив, она подчас служит исходным пунктом для дальнейших выводов. Наиболее четко это проявляется в упоминавшейся работе Б. Ф. Поршнева. Он пишет: «Все революции, какие знала история человечества до Великой Октябрьской социалистической революции..., характеризуются этим противоречием (т. е. заменой одной формы эксплуатации другой.—А. К.)... Главное внимание надо обратить, однако, на то, что, согласно учению исторического материализма, революции

⁶⁶ «Основы марксистской философии». Учебник, изд. 2-е, М., 1964, стр. 471.

⁶⁷ Там же, стр. 472.

⁶⁸ «Марксистско-ленинская философия», стр. 402.

⁶⁹ Там же, стр. 394.

⁷⁰ См. «Марксистско-ленинская философия», стр. 401.

⁷¹ Поршнев, Феодализм и народные массы, стр. 215.

⁷² Там же, стр. 218.

⁷³ «Марксистско-ленинская философия», стр. 401; Поршнев, Феодализм и народные массы, стр. 215.

⁷⁴ «Марксистско-ленинская философия», стр. 400.

прошлого совершали в конечном счете не эксплуатирующие классы в борьбе между собой..., а эксплуатируемые народные массы. Антирабовладельческая революция есть завершающий взрыв основного классового антагонизма античного общества, антифеодалная революция — завершающий взрыв основного классового антагонизма феодального общества»⁷⁵. Фактическое отождествление способов ликвидации рабства и феодализма встречается и в других местах работы Б. Ф. Поршнева⁷⁶. Таким образом, ничего принципиально нового в проблему падения рабства эта работа не вносит, хотя в ней содержатся многочисленные интересные наблюдения об изменении возможностей классовой борьбы от формации к формации⁷⁷.

По-видимому, признание социальной революции — в принимавшемся до сих пор толковании этого термина — законом перехода каждой формации в последующую не может объяснить переход от античного общества к феодальному без некоторых существенных оговорок. Так, А. Я. Гуревич отмечает, что попытки объяснить падение Римской империи только действием этого закона терпели неудачу, всякий раз как авторы их принимали во внимание конкретные исторические факты и процессы, поскольку они не соответствуют принятой формулировке закона перехода от одной общественной формации к другой, — формулировке, предполагающей прогресс производительных сил, зарождение и развитие нового способа производства в недрах старого, а также способность основного эксплуатируемого класса свергнуть господство класса эксплуататорского. Поэтому, заключает А. Я. Гуревич, закон перехода от одной формации к другой в применении к данному конкретному случаю нуждается в модификации на основе учета специфических моментов, присущих как рабовладельческому строю Римской империи, так и первобытному строю окружающих, а затем и завоевавших ее варваров, ибо здесь действовали, переплетаясь между собой, закономерности не одной, а двух общественно-экономических формаций⁷⁸.

Нельзя забывать также, что развитие классовой борьбы шло по восходящей линии от формации к формации⁷⁹, — игнорирование этого момента ведет к недооценке ленинского учения о субъективном факторе в перерастании революционной ситуации в революцию. Революционная ситуация, как известно, создается в результате кризиса любого способа производства, обуславливающего наступление эпохи социальной революции, т. е. такой эпохи, когда возникает объективная возможность перехода к новым общественным формам⁸⁰. Тогда классовая борьба, составляющая движущую силу истории всякого антагонистического общества, обостряется до крайней степени. Но это не значит, что тенденция к социальной революции обязательно реализуется в социальную революцию, в результате которой наступает соответствие производительных сил производственным отношениям⁸¹. Более того, эта тенденция может реализоваться только при наличии революционного класса, способного совершить революцию⁸². Но мог ли в рабовладельческом обществе появиться упомянутый субъективный фактор, т. е. класс, способный «на революционные массовые действия, достаточно сильные, чтобы сломить (или надломить) старое правительство...»⁸³?

⁷⁵ Поршнев, *Феодализм и народные массы*, стр. 451.

⁷⁶ Там же, стр. 215 сл.

⁷⁷ Там же, стр. 207 сл.

⁷⁸ А. Я. Гуревич, *Общий закон и конкретная закономерность в истории*, В. И., 1965, № 8, стр. 15—16. «Таким образом, — пишет А. Я. Гуревич, — содержание глубокой социальной революции, составлявшей основу переходного периода от античности к средневековью, не может быть раскрыто на уровне одного лишь общего социологического закона, здесь следует дать объяснение на уровне конкретной исторической закономерности» (стр. 16).

⁷⁹ Е. М. Штаерман, *Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике*, М., 1964, стр. 248.

⁸⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Соч.*, т. 13, стр. 7; В. И. Ленин, *Полн. собр. соч.*, т. 26, стр. 217—219.

⁸¹ Е. Варга, *Очерки по проблемам политэкономии капитализма*, М., 1964, стр. 21.

⁸² В. И. Ленин, *Полн. собр. соч.*, т. 26, стр. 219.

⁸³ Там же

Классовая борьба рабов, ее характер, формы, эволюция проанализированы в работах советских историков⁸⁴. Рабские восстания совпали с периодом кризиса Республики. Они имели немалое значение для эволюции политической надстройки, для установления Империи⁸⁵, для прихода к кормилу правления, как заметил С. Л. Утченко, «более перспективных» прослоек господствующих классов⁸⁶. !

В небольшой статье «Классы и классовая борьба в Римской империи III—IV вв.»⁸⁷ мы пытались показать, что в результате кризиса рабовладельческой экономики стихийно менялись формы эксплуатации трудящихся. Происходило нивелирование угнетенных классов, фактически стиралась разница в экономическом и политическом положении рабов и немущего сельского населения. Основной антагонизм между рабами и рабовладельцами, характерный для эпохи развивающегося рабства, стал уступать место антагонизму между эксплуататорами и эксплуатируемыми в широком смысле слова (*honestiores* и *humiliores*). На этой основе опять-таки эволюционировала политическая надстройка. Первый гражданин (*princeps*) постепенно превращался в бога и господина (*dominus et deus*). Все категории сельского трудящегося населения нивелировались в «предшественников средневековых крепостных», колонов, а крупные землевладельцы — наиболее «перспективная» группа господствующего класса⁸⁸ — развивались в предшественников средневековых магнатов. С. Мадзарини интересно анализирует движения Тотилы, циркумцеллионов в Африке, багаудов в Галлии и Испании. Можно не соглашаться с некоторыми его выводами. Однако он прав, отмечая тенденцию социальных низов к революции и ограниченность возможностей для ее свершения. Одним из моментов, ограничивавших революцию, Мадзарини считает тот факт, что христианство всколыхнуло массы, но церковь не поддерживала революционного порыва, в котором отсутствовали ясность, настойчивость, четкая идеологическая установка⁸⁹. Все это, по нашему мнению, верно и объясняется, очевидно, тем, что угнетенные классы Римской империи были мелкими тружениками, занятыми индивидуальным производством, не имевшими даже такой, присущей феодальному крестьянству формы организации, как сельская община. Вот почему они не смогли совершить социальную революцию (как не могло совершить ее и крестьянство эпохи феодализма вне союза с иными классами), а в случае побед их восстаний возвращались к пройденным способам эксплуатации.

Итак, нам представляется, можно считать, что в обстановке кризиса рабовладельческого способа производства сложились объективные предпосылки для социальной революции, но не было субъективного фактора для ее совершения, а потому и не произошло ни революции рабов, ни антирабовладельческой революции. Гибель Империи не означалась ни приходом к власти новых прогрессивных классов, ни совместной

⁸⁴ Л. А. Ельницкий, Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII—III вв. до н. э., М., 1964; Е. М. Штаерман, Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике, М., 1964; она же, Рабский вопрос в Римской империи, ВДИ, 1965, № 1, стр. 62 сл.; она же, Кризис рабовладельческого строя в Западных провинциях Римской империи, М., 1957.

⁸⁵ Е. М. Штаерман, Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике, стр. 256.

⁸⁶ С. Л. Утченко, Становление Римской империи и проблема социальной революции, ВИ, 1964, № 7, стр. 116.

⁸⁷ А. Л. Казанский, Классы и классовая борьба в Римской империи III—IV вв., «Уч. зап. Киргизского гос. заочн. пед. ин-та», III, 1957, стр. 198 сл.

⁸⁸ Е. М. Штаерман, Проблема падения рабовладельческого строя, ВДИ, 1953, № 2, стр. 63; она же, Кризис рабовладельческого строя..., стр. 98 сл.

⁸⁹ S. Mazzarino, Si può parlare di rivoluzione sociale alla fine di mondo antico. Il passaggio dell'antichità al medioevo in occidente, Spoleto, 1962, стр. 421—428. Между прочим Б. Ф. Поршнев не без основания подчеркивает революционную роль раннего христианства. Однако его уверенность в том, что эта религия подготовила ей, «как передовая идеология XVII—XVIII вв. предшествовала французской антифеодальной революции», представляется преувеличением, основанным на отождествлении способов ликвидации рабства и феодализма (см. Поршнев, Феодализм и народные массы, стр. 389—390).

гибелью борющихся классов; результатом ее была лишь дальнейшая трансформация классов римского общества в те классы общества феодального, которые постепенно начинали формироваться и у варваров. Процесс этот стимулировался сломом римской государственной машины и новыми порядками варварских королевств, но все же был настолько длительным, охватывая века как до, так и после падения Империи, что не может быть связан только с этим фактом.

Итак, по нашему мнению, приходится отвергнуть мысль о том, что античное рабство ликвидировано в результате «антирабовладельческой революции», или вообще какой бы то ни было социальной революции.

Могут возразить, что революция, по существу, — это переход политической власти в руки другого класса, утверждение новой формы собственности и, соответственно, новых производственных отношений не путем реформ, а в результате самых разных форм борьбы при участии самых широких слоев, т. е. уничтожение «старого режима». Все это так. Но одно дело — приход к власти новых классов путем гражданской войны или в результате победы в парламентских выборах. Другое дело — трансформация классов, находящихся у власти, постепенное перерождение старых политических учреждений, или, если угодно, вращание классов рабовладельческого общества в новые формы отношений. Такая трансформация совершенно исключается для эксплуататорских классов капиталистического общества при переходе к социализму, отменяющему частную собственность и эксплуатацию. Но здесь речь идет о переходе от рабовладения к феодализму, о формациях, имеющих много общего как в весьма существенных частностях (например, экономика, основанная на сельском хозяйстве, и, соответственно, сосредоточение политической власти в руках класса землевладельцев, эксплуатация непосредственных производителей в большей или меньшей степени лишенных личной свободы и юридической правоспособности и т. п.), а также и в самом главном: оба общества основаны на частной собственности и эксплуатации. В этом отношении феодализм, несмотря на то, что его отличия от капитализма с точки зрения экономики, социальной и политической структуры, формы эксплуатации неизмеримо более велики, чем отличие его от рабовладельческого общества, все же сходен с капитализмом. Поэтому в истории известен «пруссский», т. е. не революционный путь развития капитализма в сельском хозяйстве.

Вот почему, рассматривая вопрос о становлении феодализма в Западной Римской империи, может быть, следует говорить о длительном переходном периоде, начало которому было положено кризисом рабовладельческой системы производства. В сложных объективно революционных переменах переходного периода, сущность и характер которых предстоит установить, стихийно взаимодействовали: экономическая необходимость (рабский труд перестал приносить доход)⁹⁰, классовая борьба и, наконец, варварские нашествия, определившие феодализацию путем синтеза элементов разлагавшейся рабовладельческой формации с разлагавшимся первобытнообщинным строем⁹¹.

Результатом перечисленных процессов, протекавших стихийно — а потому медленно, — явилось отмирание рабства как ведущей формы эксплуатации, трансформация основных антагонистических классов и политических учреждений рабовладельческого общества. Осуществился переход в новое качество. Этот процесс нельзя рассматривать как непрерывный. Изучение конкретного материала позволит обнаружить «известную прерывность этого процесса, скачки, которые, если воспользоваться

⁹⁰ В данном случае может оказаться, что крупные магнаты, хозяйство которых было основано на труде колонов, были, как полагает Е. М. Штаерман, «передовым классом», стихийно взаимодействовавшим с широкими массами в борьбе против пережитков рабовладельческого строя. См. Штаерман, Проблема падения рабовладельческого строя, стр. 63; она же, Кризис рабовладельческого строя..., стр. 98 сл.

⁹¹ См. А. И. Неусыхин, Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI—VIII вв., М., 1956, стр. 8. Автор указывает, что феодализация осуществлялась не обязательно путем «синтеза», являющегося своеобразным ускорителем в процессе длительного развития феодальных отношений.

образом из области физики, заставляют переходить те или иные элементы этого процесса на новые орбиты»⁹². Хочу вполне присоединиться к К. К. Зельину в отрицании двух крайних точек зрения: той, что усматривает в непрерывности закон истории, и той, что объясняет новые направления исторического процесса только бурей политических и военных переворотов, начисто сметающих преемственность в развитии. «Как и в космосе, мы и в истории всегда можем найти промежуточные звенья, которые доказывают, говоря словами Энгельса, „что в природе (а также и в истории. — К. З.) нет скачков именно потому, что она складывается сплошь из скачков“»⁹³.

Таким образом, мы рассмотрели, по возможности, направления советской историографии в разработке одной из «вечных проблем» всемирной истории. Начав с безоговорочного признания концепции «революции рабов», советские историки обратились затем к изучению материала, позволявшего проверить, сложились ли в недрах античного общества предпосылки для перехода к новому способу производства и какую роль могли здесь сыграть движения рабов и других эксплуатируемых классов. Наметились два решения вопроса. Согласно одному, феодализация Империи зашла достаточно далеко, чтобы вопрос о смене способов производства стал на очередь и был осуществлен в результате стихийного взаимодействия заинтересованных в этой смене классов империи с варварами. Согласно другому — новый, феодальный способ производства или вовсе не складывался в рамках рабовладельческого, или играл столь незначительную роль, что не мог стать базой и причиной гибели последнего. Расхождение в этом вопросе поставило на очередь более общую теоретическую, методологическую задачу: выяснить, действовал ли в условиях гибели античного мира закон социальной революции как условия смены формаций; если действовал, то в чем его особенности по сравнению с другими революциями, а если не действовал, то каков же был здесь механизм наблюдавшихся процессов. Ответы, как мы видели, возможны разные, и тем полезнее представляется дальнейшая дискуссия.

А. Л. Кац

⁹² З е л ь и н, Новые публикации папирусов по истории Египта и Сирии..., стр. 130.

⁹³ Там же, стр. 130.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ОТДЕЛЕНИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА

(1963—1965 гг.)

Исследовательская работа ученых Отделения древнего Востока Государственного Эрмитажа заключается, в первую очередь, в подготовке публикаций памятников, хранящихся в музеях Советского Союза, главным образом памятников Эрмитажа и ГМИИ.

Капитальный труд «Каталог древнеегипетской скульптуры Эрмитажа», созданный совместно М. Э. Матье и И. А. Лапис, который сдан в печать, состоит из трех частей: I. Введение; II. Скульптура Древнего, Среднего и Нового царства; III. Позднеегипетская скульптура. В «Каталоге» дается описание каждого памятника, датировка, иероглифическая транскрипция и перевод надписей, художественный анализ, а также воспроизведение большинства скульптур.

Продолжается начатая И. М. Лурье работа по изданию древнеегипетских стел. В ближайшее время будет завершена первая частьготавливаемого Н. Б. Ландой каталога «Стелы эпохи Среднего царства (Эрмитажное собрание)».

Большой интерес представляет работа И. А. Лапис «Сапскакая формула», которая должна появиться в ближайшем томе «Трудов Государственного Эрмитажа». В статье